

Густав Шпет и неявная традиция глубинной семиотики в России¹

В.В. Фещенко
МОСКВА

1. Шпет и семиотика

Уже давно не новость, что русская гуманитарная наука XX в. практически в любой общей и специальной области имела своих первопроходцев, опережавших мыслью и словом своих западных коллег либо шедших с ними синхронно, но имевших менее завидную по сравнению с ними судьбу на своей родной почве. Имя Густава Густавовича Шпета, подвергнутое забвению на полстолетия, появлялось и появляется в семиотической и лингвофилософской литературе чрезвычайно редко. Лишь в трудах по истории семиотики в России и Советском Союзе можно обнаружить ссылки на его работы.

Первым на значимость идей Г. Шпета для семиотических учений указал Вяч. Вс. Иванов в «Очерках по истории семиотики», отметив, что «Шпет был первым русским философом, давшим детальное обоснование необходимости исследования знаков как особой сферы научного знания и изложивший принципы феноменологического и герменевтического подхода к ней»². Наряду с П. Флоренским и А. Белым он был назван в числе тех, кто предпринял в первые десятилетия XX в. попытку общесемиотического синтеза, выделив область изучения знаков в качестве особого предмета гуманитарных исследований. Особенно значимым здесь оказались идеи Шпета, наследующие его учителю Э. Гуссерлю, о знаках как «всеобщем слое», который определяет исход-

---

¹ Работа над статьей выполнена при поддержке гранта Федерального агентства по науке и инновациям № МК-3896.2007.6 («Лингвистическая эстетика в русской и европейской словесности») и гранта РГНФ «Философия языка в России 1905-2005».

² Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М., 1999. С. 681.

ные предпосылки любого социально-исторического знания. Отдельно были отмечены восходящие к Шпету первые попытки семиотического истолкования эстетики и этнологии.

Небольшое внимание Г. Шпету было уделено и в Тартуской школе, в чьих «Трудах по знаковым системам» была опубликована статья под названием «Литература», подготовленная Шпетом в 1920-х гг. для «Словаря художественных терминов»¹. Однако говорить о преемственности идей русского философа в семиотических исследованиях 1960-90-х гг. вряд ли приходится. Можно встретить упоминание о Шпете в некоторых учебных курсах по семиотике последнего времени, например, в книгах Г. Почепцова и Н. Мечковской². Психологические воззрения забытого философа, относящиеся в том числе к проблеме языка и слова, стали предметом увлекательного пособия В.П. Зинченко³. Наконец, на роли Шпета в развитии структурализма и семиотики в России останавливается в своей книге Т.Г. Щедрина⁴. Ею особо подчеркивается принадлежность Шпета к той группе исследователей, которая развивала целостный конкретно-исторический подход к языку, видя в семиотике основу основ любого лингвистического знания.

Что касается западной литературы, насколько мне известно, лишь две книги Г. Шпета переведены на иностранные языки – «Явление и смысл» на английский⁵, и «Внутренняя форма слова» – совсем недавно на французский⁶. В семиотических и языковедческих же кругах – как широких российских, так и западных – его имя совершенно неизвестно. Впрочем, Шпет как семиолог не открыт по-настоящему и у нас, ведь только совсем недавно, два года назад был издан основополагающий его труд по семиотике – «Язык и смысл»⁷.

В настоящей статье мы не ставим себе задачей осветить весь спектр семиотических идей Г. Шпета, это потребовало бы углубления в самые разные специальные области, в которых русский философ оставил глубокий след. Я сосредоточусь лишь на его общесемиотической концепции, проследив концептуализацию термина семиотика и основных семиотических категорий в его трудах, с некоторым углублением в оригинальную модель знака и смысла, отличающуюся от прочих семиотических моделей. Кроме того, будет отмечена роль Шпета в неосознанной донныне и неописанной традиции «глубинной се-

¹ Шпет Г.Г. Литература // Труды по знаковым системам. Вып. 15. Тарту, 1982.

² Почепцов Г.Г. Русская семиотика. М.; К., 2001. С. 204–218; Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций. М., 2004. С. 38–42.

³ Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М., 2000.

⁴ Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого»: Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004.

⁵ Shpet G. Appearance and Sense. NY, 1980.

⁶ Chpet G. La Forme Interne du Mot, 2007.

⁷ Шпет Г. Язык и смысл <1920-е гг.> // Шпет Г. Мысль и слово. Избранные труды. М., 2005. Далее ссылки на страницы данного издания даются в круглых скобках без указания источника. Часть II этого труда была опубликована ранее И. Чубаровым в журнале «Логос» № 7 за 1996 г. и № 1 за 1998 г.

миотики», составляющей скрытую альтернативу западным учениям о знаке и семиозисе.

2. Семиотика как термин у Шпета

Переходя от этого небольшого введения к основному предмету настоящей статьи, хотелось бы начать с того, как определяет Густав Шпет саму семиотику. Вспомним, что в то время на Западе эта дисциплина только утверждала свои права, хотя семиотическая проблематика в разрозненном виде возникла в европейской философской мысли уже начиная с античности. По праву Шпет считается первым, кто употребил в русской научной литературе термин «семиотика», понимая под ним «онтологическое учение о знаках вообще»¹. Сразу же хочу обратить внимание на этот атрибут «онтологическое», который еще возникнет ниже в специальном контексте.

Впервые слово «семиотика» появляется у Г. Шпета в 1915 г. в статье, которая затем преобразуется в третью главу «Истории как проблемы логики»². Уже в этой ранней работе он высказывает мысль о том, что логика не способна адекватно обращаться с историческими понятиями, ибо последние подлежат ведению особого «семиотического познания», которое требует своей особой методологии. Логика исторического понятия, рассматриваемого как некоторый выраженный смысл, в сущности, утверждает он, должна быть семиотической дисциплиной. Значение исторического понятия – само по себе уже знак, который может быть расшифрован только посредством особого рода герменевтики. Отметим, что здесь Шпет еще колеблется между тем, правильнее ли назвать эту чаемую им науку «герменевтикой» или «семиотикой». Но, как мы увидим в дальнейшем, в определении этой дисциплины ему будет важно не терминологическое название как таковое, а скорее связь ее с другими областями знания, вовлеченными в анализ проблематики *понимания*. Так, с его точки зрения, понимаемая в новом ключе семиотика будет разделом, или ветвью, общей герменевтики. Более важно для него то, что семиотика должна стать альтернативой логическим учениям, не учитывающим знаковую сущность исторического мышления. При этом, вводя заново термин семиотика, по его собственному утверждению, он примыкает скорее к Дж. Локку³, нежели к современным ему философам, обращающимся к семиотической проблематике, таким как, например, немецкий мыслитель Г. Тейхмюллер. П. Стайнер замечает, что, по Шпету, в историческом дискурсе слова уже являются мета-знаками – «узлами в поистине бескрайней сети семиотических преобразований, замеще-

¹ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007. С. 230.

² См. Шпет Г. Первый опыт логики исторических наук: к истории рационализма XVIII века // Вопросы философии и психологии, 1915, № 3.

³ Шпет ссылается на главу 21 книги IV «Опытов о человеческом разумении», в которой Дж. Локк выделяет семиотику в качестве отдельной науки – учения о знаках.

ний, отражений»¹. И развязкой таких узлов призвана заниматься герменевтика, понимаемая как семиотика.

В труде «История как проблема логики» Г. Шпет развивает идею о сближении герменевтики как науки о понимании и семиотики как методе понимания знаков. Свидетельство в историческом исследовании не принимается как данное «наблюдение», отмечает Шпет, а всегда только как *знак*, который подлежит интерпретации. Рассуждая о том, как осуществляется историческое познание, он пишет: «<...> историческое познание никогда не является познанием чувственным или рассудочным или познанием внешнего, или внутреннего опыта, а всегда есть познание, предполагающее уразумение или интерпретацию как средство уразумения. Такого рода познание можно условиться называть семиотическим познанием. Оно требует собственной гносеологии»². История для Шпета имеет дело со словом как *знаком*, который интересует историка, прежде всего, со стороны своего значения, то есть того, о чем слово сообщает. Потребность в герменевтике возникает тогда, когда «зарождается желание отдать себе сознательный отчет о роли слова как знака сообщения»³. Но эта же потребность, в свою очередь, ведет к необходимости принципиально семиотического подхода. В «Эстетических фрагментах» Шпет пишет, что «теория слова как знака есть задача формальной онтологии или учения о предмете, в отделе *семиотики*»⁴. В некоторых местах Шпет приравнивает семиотику к характеристике, очевидно отсылая к учению Лейбница, а также поднимает вопрос о «семиотическом разуме», впрочем, на данном этапе не разъясняя этого понятия.

Еще позже, в 1920-х гг., Г. Шпет пишет работу «Язык и смысл», в которой прослеживает истоки семиотической мысли и закладывает основы новой семиотики, которую обозначает теперь более отчетливо как «науку о понимании знаков». Сделаю акцент на этом моменте: для Шпета семиотика – не просто наука о знаках или знаковых системах, а учение о *понимании* знаков. «Нужно вдуматься, – пишет он, – в самый факт социально-исторического, нужно обнаружить, что самое социально-историческое есть понимаемый знак и дается нам как знак. У знака вообще и социально-исторического, как такого, одна принципиально-онтологическая природа» (476). Уже из этих замечаний видно, что семиотику Шпет трактует в широком социально-историческом аспекте. Источником любого исторического познания является слово, а слово «является тем знаком, от которого историк приходит к своему предмету с его специфическим содержанием, составляющим значение или смысл этого знака»⁵. Из этих утверждений следует, что Шпет понимает семиотику как дисциплину, в ведение которой входит весь круг гуманитарных, или социально-исторических, в его терминологии, знаний. При этом характерно, что, как пра-

¹ Steiner P. Tropos Logikos: Gustav Shpet's Philosophy of History // Slavic Review 62, no. 2 (Summer 2003). P. 353.

² Шпет Г.Г. История как проблема логики. В 2 частях. М., 2002. С. 287.

³ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1989. М., 1989. С. 232.

⁴ Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты. С. 208.

⁵ Шпет Г.Г. История как предмет логики. С. 303.

вило, раскрывая какие-либо семиотические понятия, Шпет не обходится без обращения к смежным дисциплинам, таким как герменевтика и феноменология. Фактически, он даже не определяет особых контуров, или границ семиотики, поэтому, например, переходы от обсуждения семиотики к обсуждению герменевтики, у него совершенно свободны, подчас даже откровенно неотчетливы. Руководящей для него является проблема понимания, соприкасающаяся с различными смежными подходами, но не исчерпывающаяся каким-либо одним из них.

Возражая против применимости формальной логики, идущей от Канта и исследующей формы выражения без смысла и понимания, Шпет находит опору для своего материально-онтологического учения о знаке в новейшей немецко-австрийской логике и философии языка. Основными фигурами здесь становится для него лингвист А. Марти и философ Г. Гомперц, оба последователи школы Ф. Brentano, авторы учения о семасиологии¹. Семасиология, полагает Шпет, позволяет не в знаке видеть социально-историческое происхождение (путь формальной логики и эмпирической семиотики), а сам социально-исторический предмет подводить под логически-онтологическую категорию знака. «Все это должно быть подготовлено спецификацией семасиологического предмета также в свете материально-онтологическом» (476). Говоря о том, что семиотика изучает лишь формальную онтологию, в противоположность материальному изучению разновидностей знаков, Шпет вроде бы пытается отвергнуть семиотику во имя семасиологии, но тут же оговаривается о том, что «особую задачу составило бы философское материальное изучение этого вопроса, как вопроса о семиотическом сознании» (477). Дело, стало быть, в том, чтобы построить семиотику на иных принципах – на принципах семасиологии. И Шпет отдает себе отчет в том, что для изучения подобного круга проблем требуется выработка своей терминологии, своих слов и знаков, в которых выступал бы называемый знак, как предмет и значение. В дальнейшем тексте трактата «Язык и смысл» предпринимается попытка определить ключевые термины и понятия его семиотической теории.

3. Семиотические понятия по Шпету

Следуя определению знака у Блаженного Августина – «знак есть вещь, которая не только сообщает свой вид чувствам, но еще вводит нечто иное с собою в мышление» – Г. Шпет указывает, что основная философская проблема реальности, а точнее, отношения идеального и реального, коренным образом связана с проблемой знака. Но определить знак априори нельзя, считает он,

¹ Шпет ориентируется на учение о семасиологии как науки о функциях и значениях языковых средств, изложенное в книгах: *Marty A. Untersuchungen zur Grundlegung der allgemeinen Grammatik und Sprachphilosophie*. Halle, 1908 и *Gomperz G. Weltanschauungslehre*. Jena, 1908. Bd. 2, 1. Hälfte (Semasiologie). См. о лингвистическом учении А. Марти обстоятельную статью: *Громов Р.* Антон Марти. Философия языка брентановской школы // *Логос*, 2004, №1, а также публикацию работы немецкого лингвиста «Об отношении грамматики к логике» в том же выпуске журнала.

без обращения к целому кругу семиотических и феноменологических вопросов.

Прежде всего, проблема, которая интересует Г. Шпета, это проблема предмета и формы его выражения. Обладает ли всякий предмет «семиотическими качествами», или не всякий? Первый вопрос Шпета. Если бы о всяком предмете можно было сказать, что он обладает семиотическими качествами, то «мы должны были бы рассматривать предмет, подразумеваемый под данным знаком, как, в свою очередь, знак чего-то другого» (492). Это привело бы к бесконечному семиотическому регрессу. «Всякий предмет, тогда по своей природе был бы существенно семантическим: всякой, так сказать, точке его логического слоя нашлась бы своя соответствующая точка в его онтологической природе». Шпета не устраивает такая семиотическая теория, формально-семиотический анализ, с его точки зрения, не исчерпывает вопроса, так как остается сомнение: «нет ли в предмете еще чего-то, что не сведется к семиотическим его качествам, что ведь и самый знак, как такой, дается нам не только в качестве знака, но и качестве некоторой, например, физической вещи?» (492-493). В определении знака необходимо, следовательно, выйти за пределы формальной логики и обратиться к семиотике как *онтологическому* учению о знаке¹.

Будучи предметом двойственной природы, знак относится одновременно и к плану действительного эмпирического мира, и к плану идеальному, постигаемому в мышлении. Однако отношение между этими двумя планами не сводится к простому отношению единичности и вида. «Раскрыть само это отношение как предмет *sui generis* и указать коррелятивные ему переживания – тут магнитный полюс проблемы» (512). Нужно понять, отмечает Шпет, что именно делает знак таким двуликим и что выделяет его специфически из всей сферы предметов действительного мира.

«"Знаку" коррелятивно "значение". Нужно показать, – пишет Шпет, – в чем состоит эта корреляция». Знак выступает как *термин отношения*, сам, в то же время, являясь некоторым предметом, вещью. «Всякая ли вещь является или может быть знаком? Что делает вещь знаком, т.е. что есть то, в силу чего вещь вступает в корреляцию с тем, что мы называем значением? <...> Знак, даваемый нам, как предмет чувственной действительности есть *вещь* или *свойство*?» (512-513). Это вопросы, которые ставит и пытается решить Шпет. Знак здесь исследуется как предмет формально-онтологического характера. Заголовки подразделов в книге «Язык и смысл» сами по себе вырисовывают понятийный аппарат шпетовской семиотики: «Знак как субъект отношения», «знак как предмет действительного мира», «знак как отношение», «знак-значение как отношение *sui generis* и его система, «разделение знаков, «знаки в атрибутивной действительности» и т.д.

¹ Отметим, что оценки термина семиотика у Шпета постоянно колеблются, принимая то положительные, то отрицательные коннотации. Представляется, что в этом колебании отражена его попытка уйти от формально-описательной, «рассудочной», с его точки зрения семиотики, в сторону семиотики онтологической, глубинно-порождающей, идущей не от знака к предмету, а от предмета к знаку (отсюда столь частая его апелляция к семасиологии).

Между тем, посредством понятия знака Г. Шпет стремится добиться ответа на главные свои вопросы: что такое понятие, что такое слово и что такое смысл. При этом понятие «понятия», составляющее главный предмет семиотики Шпета, осмысливается не просто как логическая категория. Логическая форма понятия для него лишь остов самого понятия, большее внимание он уделяет накладываемым на логику «внутренним формам», которые опосредуют процесс понимания. В этом смысле конечно шпетовский семиотико-герменевтический метод исследует по преимуществу природу *гуманитарных* понятий.

4. От структуры знака к структуре смысла: динамическая модель Шпета

Из всего обилия семиотических идей Г. Шпета мне представляется главной его оригинальная концепция знака и смысла, которая в своей сущности отличается от прочих современных Шпету концепций: Пирса, Соссюра, Фреге, Огдена-Ричардса или Бюлера¹. Коренным отличием здесь является онтологизм учения русского философа и его направленность на процесс понимания знаков.

Начинает свои размышления Г. Шпет с относительно общепринятых постулатов. Так, знак рассматривается им как имеющий содержание и значение. «Содержанием и значением мы в конце концов называем одно и то же, но в зависимости, преимущественно, от того, подходим мы к нему со стороны предмета или знака» (477), чем обуславливается, согласно Шпету, коррелятивность онтологии и логики. Значение так же коррелятивно знаку, как содержание форме. Однако, формообразующую роль предмета в содержании (онтологические формы) отличаются от таковой же роли знака (логические формы). Здесь же Шпетом отмечается особое онтологическое положение знака среди других предметов, «проистекающее из того, что знак сам по себе есть некоторый предмет со своим особенным содержанием и что он в то же время есть знак другого предметного содержания» (478). Это отношение знака к предметно оформленному содержанию (значению) называется в отличие от *семиотических* качеств знака «*семантическим*» или «*семасиологическим*» отношением².

В чем состоит корреляция между знаком и значением, между формой и содержанием? На философском языке Шпет формулирует проблему так: «Специфичность знака, как субъекта отношения, нужно видеть в том, что по отстранении его данного чувственного бытия, например, физического, он не в новых формах того же порядка бытия, а в формах идеального бытия приводит нас к другому термину отношения, к корреляту» (518). На языке семиотики эта проблема проецируется на вопрос о сложной структуре знака в качестве субъ-

---

¹ Любопытно, что К. Бюлер в построении своей модели знака так же, как и Шпет, отталкивался от учения А. Марти, однако выводы русского философа существенно отличаются от выводов немецкого ученого.

² См. о семасиологической концепции Шпета в статье И. Агеевой: *Ageeva I. V. Vološinov et G. Špet : deux points de vue sur la sémiotique // Cahiers de l'ILSL*, n° 23, 2007, à paraître.

екта отношения. При этом опять же подчеркивается основная задача установить онтологические особенности самого знака.

Категория *отношения*, как мне кажется, является опорным пунктом в шпетовской концепции знака¹. «Онтологическое положение знака» мыслится Шпетом в том, что «он не только субъект отношения, которому соотносительно значение, но он сам также есть некоторое отношение, предполагающее свои термины» (520). Что подчеркивает Шпет, различая понятия «субъект отношения» и «отношение как таковое»? Субъект отношения – категория статическая, в то время как отношение само – это динамическая категория. Отношение значит в шпетовском смысле процесс отнесения. Именно на этом процессуальном значении категории отношения настаивает Шпет. Если знак как субъект отношения описывается своими внешними формами, то знак как отношение само по себе описуем посредством присущих ему «внутренних форм».

Различение внешних и внутренних форм в дальнейшем Шпет разовьет в отдельной работе «Внутренняя форма слова», но здесь, в семиотическом контексте, это различие важно для объяснения структуры знака. Шпетом выводится следующая таблица (531):

формы	внешние	gestaltqualitäten
	внутренние	формообразующие начала
		формы отношения

Как видно, внутренние формы определяются как формы самого отношения, тогда как внешние формы, называемые Шпетом иначе как «формы сочетания», относятся к эмпирическому, материальному плану знака. Проецируя на структуру знака, эту схему уже нельзя изобразить в виде диадичной модели Соссюра или триадичной модели Фреге, Пирса и Бюлера. Модель Шпета принципиально динамична и требует для своей иллюстрации не статично-геометрических, а динамичных форм визуализаций.

Откуда динамизм? Внешняя форма знака – финальна, но любой знак есть средство к осуществлению цели, к осуществлению идеи, а значит, от статичного восприятия внешней формы мы переходим всегда к установлению отношения цели и средства, как действия некоторого субъекта. «От восприятия внешней формы финальности я перехожу к отношению осуществления идеи к ней самой» (553-554). А этот процесс уже динамичен, так как подразумевает движение от замысла к воплощению. Динамичность слова Шпет иллюстрирует

¹ В этом отношении Шпет оказывается неожиданно близок учению о знаке в древнеарабской семиотической традиции, в которой выделяются три элемента знака: «звукосочетание», «смысл» и «отношение указания». См. об этой традиции работы отечественного философа А. Смирнова: *Смирнов А.В.* К вопросу об особенностях арабской семиотической теории // *Невербальное поле культуры.* М., 1995; *Смирнов А.В.* Логика смысла. М., 2001; *Смирнов А.В.* Логико-смысловые основания арабо-мусульманской культуры: семиотика и изобразительное искусство. М., 2005.

на простейшем примере построения слов и высказываний. «"Часть" слова движется и движет к "целому слову", последнее – к "связи", например, суждения или более обширного высказывания, это – еще дальше и экстенсивнее и т.д. Часть влечет к целому, "вещь" – к "отношению", отношение – к отношению более высокого порядка; и в каких бы категориях – логических, грамматических или метафизических – мы ни выражали эту существенную особенность слова, всегда налицо *динамизм* и движение» (584). «Быть словом», по Шпету, значит быть принципиально началом динамическим.

Слово как знак, соотносимый со значением, становится понятием. «В этом качестве знак не является уже средством для осуществления мысли... он является самой мыслью, понятием, идеей, содержанием» (554). Значение, осуществленное в знаке, становится смыслом. Если по своим внешним формам знак расчленяется в качестве средства, по своим внутренним формам – в качестве осуществления. Для всех остальных теорий знака знак – лишь средство. Г. Шпет вводит категорию в процесс семиозиса категорию целесообразности. Переход от знака к значению, сообразующийся с определенной целью, с идеей целого, и осуществляемый внутренними формами, и называется им «пониманием» как динамическим осуществлением смысла.

5. Глубинная семиотика: третья традиция

Если считать, что семиотические учения Соссюра и Пирса являются двумя магистральными традициями в современной семиотике, учение Густава Шпета может быть признано третьей, неявной, традицией, «мерцающей в толще истории». Почему это именно традиция, я скажу чуть ниже, но если говорить о шпетовской семиотике как таковой, ее отличие от пирсовской и соссюровской мне видится в постулировании внутреннего пространства в структуре знака и в целесообразности семиотического процесса. Для Соссюра знак произволен, и отношение между означающим и означаемым описывается в статичной категории значимости (*valeur*). Он допускает наличие связи между звуковым образом и понятием, но специфическая природа этой связи как таковой его не интересует. Пирс идет несколько дальше и вводит понятие интерпретанты, т.е. некоторый момент субъективности семиозиса. Знак для Пирса – это нечто, означающее что-либо для кого-нибудь. Схема коммуникации выглядит для Пирса так, что определенный знак адресуется кому-либо, чтобы создать в уме этого другого идентичный знак. Здесь также отсутствует внимание к тому, как именно осуществляется отношение между знаком и значением.

Именно понятие внутренней формы в изложении Шпета дает возможность анализировать глубинное измерение знака. Не случайно концепция внутренней формы выводится Шпетом на материале анализа эстетических форм, ведь поэтический язык, в отличие от языка прагматического (научного или обыденного) на первый план выдвигает не прагматические цели, а «свои собственные внутренние цели саморазвития». Как иначе понять феномен автокоммуникации в художественном семиозисе, как не через целеполагающую структуру знаков?

Шпета больше всего интересует творческий момент в семиозисе. Во всяком словесном творчестве – научно-понятийном или художественно-образном,

пишет Шпет, имеет место планомерное выполнение некоторого замысла. Здесь значимой оказывается именно внутренняя форма – как п р а в и л о образования понятия (в науке) или образа (в искусстве). «Это правило есть ничто иное, как прием, метод и принцип отбора, – закон и основа словесно-логического творчества в целях выражения, сообщения, передачи смысла»¹. Можно говорить о внутренней форме п о н я т и я , или «внутренней логической форме», и о внутренней форме о б р а з а , или «внутренней поэтической форме». Совокупность таких «правил», законов комбинирования словесно-логических единиц (понятий, образов) Шпет называет «словесно-логическими а л г о р и т м и ». «Такого рода алгоритмы суть также формы образования понятий, и, следовательно, диалектики самого смысла, динамические законы его развития, творческие внутренние формы, руководящие понимающим усмотрением смысла в планомерном отборе элементов, но допускающие свободу в установлении той или иной планомерности <...>»². Внутренние формы как алгоритмы, т.е. «формы методологического осуществления, способны раскрыть соответствующую организацию “смысла” в его конкретном диалектическом процессе»³.

Таким образом, обогащение семиотической теории понятием внутренней формы было связано с поиском семиотических инструментов в анализе форм творческого присутствия человека в языке. Глубинно-семиотический подход, основателем которого выступает Шпет, ставит во главу семиотического процесса самого человека. В сосюррианской и персианской семиотике мир знаков априори признается внешним по отношению к личности. Шпетовская семиотика человекомерна, или «целемерна», в его собственных терминах, объектом ее изучения является совокупность внутренне обусловленных знаков, которые производит и воспринимает человек в коммуникативном и творческом процессе.

Рассматривая знак как воспринимаемую вещь и, что самое главное, как вещь понимаемую, от восприятия вещи мы «углубляемся в нее же самое» (559). Метафора «глубины» очень часто возникает на страницах работ Шпета. Не случаен и образ «капусты» с множеством «логических» слоев, возникающий в «Языке и смысле», описывающий «глубинные» отношения значений в знаке. «Проникая глубже в “смысл” самих понятий, мы встречаем только модификации основных логических структур – и в них законы “смысла” как сущности» (600). Таким образом, русская глубинная семиотика⁴ по Шпету

¹ Шпет Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольдта). М., 1927. С. 98.

² Там же. С. 119.

³ Там же. С. 141.

⁴ Г.Л. Тульчинский предлагает называть эту область «глубокой семиотикой» (deep semiotics), понимая под ней расширение теории знаковых систем (семиотики) за счет категории осмысления и смыслообразования. Такой подход «подобен переходу от двумерного, плоскостного рассмотрения к стереометрическому, дающему анализу глубину (высоту). Из плоскости явленной дискурсивности анализ как бы ныряет вглубь, уходя к корням и источникам смыслопорождения, получая возможность рассмотрения его динамики» (Туль-

предстает как отдельный вектор семиотической традиции, существенно отличный от европейских семиотик по Пирсу и Соссюру.

Остается рассмотреть, что же представляет собой шпетовская линия в семиотике как традиция¹. На каких учениях основывается сам Шпет? Если не учитывать Платона, на которого он опирается в общефилософском плане, и Аристотеля, чья теория значения обсуждается в работах Шпета, необходимо назвать, прежде всего, Блаженного Августина. Рассуждения Августина о знаке как сущности, отличной от вещи, составляют основу рассуждений самого Шпета. Кроме того, несомненное влияние на Шпета произвели мысли Августина о «внутреннем человеке» и различении «внешне звучащих слов» и «внутренне звучащей истины». Близкие моменты в своем семиотическом подходе Шпет находит также у Г. Лейбница, Х. Вольфа, В. фон Гумбольдта, Х. Штейнталя, А. Марти и А. Потебни. Естественно, нельзя не учитывать и герменевтическую традицию (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей) и учение о феноменологии (Э. Гуссерль), которым проблематика знака далеко не была чужда².

Проблемы глубинно-семиотической традиции возникали в концепциях современников Г. Шпета и тех, с кем он непосредственно общался и работал. Андрей Белый должен быть назван здесь в первую очередь. Русская философия имени – которая во многом была не близка шпетовскому рационализму –

чинский Г.Л. Глубокая семиотика // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. СПб., 2003. С. 74). Предпосылки идей «глубокой семиотики» исследователь видит в работах М. Бахтина, Н. Бахтина, П. Флоренского, Л. Выготского. Здесь же он говорит о ней как о «третьей традиции», восходящей к В. фон Гумбольдту, В. Вундту, К. Фосслеру и А. Марти (см. также его книгу: Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы. (Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). The Edwin Mellen Press. Lewiston-Queenston-Lampeter. 2001). Мне, однако, представляется более правильным говорить не о «глубокой», а о «глубинной» семиотике. По сути это одно и то же, но в термине «глубинный», по моему мнению, содержится важный элемент, оппозитивный значению «поверхностного», в то время как в слове «глубокий» не так выражена эта отличительная особенность. Ср. с другой статьей Г.Л. Тульчинского – «Глубина» в том же издании («Глубина – мера простираения вещи внутрь себя; особое пространственное измерение, связывающее наружное и внутреннее»). Ср. также с «глубинной трансформационной грамматикой» Н. Хомского и статьей шведского автора П.О. Брандта на французском языке: *Brandt P.A.* Quatre problèmes de sémiotique profonde // Actes Sémiotiques (Documents), 1986, vol. 8, n°75, pp. 1-25; пер. на англ.: *Brandt P.A.* Four Problems of Deep Semiotics // Paris School Semiotics. Vol. 1: Theory (Semiotic Crossroads 2), 1989. P. 235-257.

¹ Более подробно эта традиция описана мной в статье: *Фещенко В.* Глубинная семиотика: стадии погружения (от «внутреннего человека» к «человеку Авангарда») // Семиотика и Авангард. М., 2006. С. 125-149. В разделе данной антологии, который открывает эта статья, опубликован ряд текстов, существенных для осмысления описываемой традиции.

² См. о семиотических идеях Гуссерля в кн.: *Деррида Ж.* Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля. СПб., 1999.

в семиотических аспектах обнаруживала много общего, особенно это относится к П. Флоренскому. Отблески данной традиции видны также в теоретических работах В. Кандинского о принципе «внутренней необходимости» и Вяч. Иванова о «формах жидущих» и «формах созиданных». В некоторой своей части эта линия прочерчивается в работах Л. Выготского, М. Бахтина и В. Волошинова. Из тех, на кого Шпет оказал уже прямое влияние, можно назвать В. Виноградова (на ранних этапах его мысли), Г. Винокура, Н. Жинкина, А. Габричевского, Н. Волкова и А. Ахманова.

По историческим обстоятельствам прямая наследственность шпетовского направления обрывается на рубеже 1930-40-х гг. Особую тему и особый интерес представляет собой дальнейшее развитие глубинно-семиотических подходов. Под дальнейшим я понимаю не только развитие шпетовских семиотических идей, скажем, в послевоенной отечественной семиотике (на мой взгляд, следов шпетовского влияния здесь крайне мало), но и актуализация его учения в современных и будущих филологических штудиях. Несомненно, представляет интерес и позиция Т.Г. Щедриной, считающей что «именно шпетовский методологический подход к семиотическим проблемам может быть сегодня актуален в связи с широко распространившимися в современной науке междисциплинарными герменевтическими исследованиями динамики научных понятий как знаков посредством интерпретации их интересубъективных смыслов (значений) в контексте общей истории идей»¹. Но эта тема требует отдельного рассмотрения, целью же этой статьи была скорее ретроспекция шпетовского начала в традиции глубинной семиотики в России.

---

¹ Щедрина Т.Г. «Я пишу как эхо другого». С. 220.